

Фаддей Булгарин

Омар и просвещение

Фаддей Венедиктович Булгарин

Омар и просвещение

«Вы непременно хотите, чтоб я рассказал вам что-нибудь. Извольте. – Но теперь я не в таком расположении духа, чтоб забавлять вас рассказами о Лисе воровке, о Честном подьячем, о Золотом осле и об умном Воеводе. Сказки мне надоели. Я расскажу вам нечто важное, а именно, о Халифе Омаре 1-м. – Но я должен сперва сказать вам, кто таков был этот Омар 1-й. – Не гневайтесь, сударыня! Я вовсе не думал подозревать вас в невежестве...»

Фаддей Булгарин Омар и просвещение

Я хотя неученый, но знаю, что между ученостью и мудростью такая разница, как между хлебною печью и хлебом.

Слова моего дедушки

Вы непременно хотите, чтоб я рассказал вам что-нибудь. Извольте. – Но теперь я не в таком расположении духа, чтоб забавлять вас рассказами о Лисе воровке, о Честном подьячем, о Золотом осле и об умном Воеводе. Сказки мне надоели. Я расскажу вам нечто важное, а именно, о Халифе Омаре 1-м. – Но я должен сперва сказать вам, кто таков был этот Омар 1-й. – Не гневайтесь, сударыня! Я вовсе не думал подозревать вас в невежестве. Знаю, что вы и учились Истории, и теперь даже читаете исторические сочинения; но вы не должны оскорбляться, если я вам скажу, что при всем том, вы не знаете, кто таков был Омар 1-й. Это самое готов я повторить каждому школяру, нашпигованному ученостью и цитатами от пят до маковки, и рад спорить с ним об этом столько же, сколько ученые спорили между собою о месте рождения Гомера, о котором ныне говорят

те же ученые, что он вовсе не существовал! То же будет со временем и с Историей! Начало уже сделано. Нибур доказал, как дважды два четыре, что все начало Римской Истории, в которую мы верили тысяча восемь сот лет, как в святыню, есть не что иное, как сказка, а в существование Царства Мидийского, в Киров и Артаксерксов ныне столько же верят, как в Иродотовых Иперборейцев и – в Коцея бессмертного. Все эти рассказы и Историческое безверие происходит от того, что люди подсмотрели: как пишется История. Вы никогда не видали этого, сударыня? – О! это весьма забавно! – Вообразите себе, что вы нашли, между семейными бумагами, лоскуток, на котором отмечено, что такого-то числа и года ваша почтенная прабабушка, Сенаторша при Петре Первом, купила себе чепец. Лоскуток этот попадает в руки человеку, который не знает, что с собой делать, а люди не знают, что с ним делать. Он берет в руки перо, и пишет... пишет: какой был чепец, купленный вашею прабабушкой, какого роста была ваша прабабушка, какое было у нее лице, волосы, брови, глаза и губы, какого она

была нрава, как жила, что делала, где бывала, и даже объясняет, на что она купила чепец, и что с ней случилось в этом чепце! Вы читаете это описание... красно, сладко, кудреватое, и вы удивитесь, когда вам скажут, что этот человек, писавший о вашей прабабушке, родился через сто лет после её смерти, не видал даже её портрета, не слышал об ней ни словечка, ни от потомков, ни от современников её, а в писании своем основался единственно на найденном вами лоскутке бумаги! Я видел, сударыня, как пишутся Истории, и притом различные Истории: История на заказ, История для продажи, История от скуки, История ради скуки; но, признаюсь откровенно, не видал, как пишется История для поучения рода человеческого. Говорят, что есть и такие Истории, но их не читают и не любят, как моты не читают и не любят счетов заимодавцев, а потому из таких Историй выдирают листы, пятнают чернилами.... Но не в том дело. – Обратимся к Халифу Омару 1-му.

Вы знаете из Истории, что он был второй Халиф после Магомета, основателя вероисповедания, весьма неблагоприятного для дам,

любящих свободу, и для мужчин, любящих вино. Никто не станет спорить (кроме меня), если вы прибавите, что этот Омар был тиран, варвар, гонитель просвещения, истребитель неогреческого сокровища всемирного, Александрийской Библиотеки. Вы будете правы, сударыня, если скажете это, ибо все это написано на всех языках Латинского, Греческого, Славянского и Германского корня. Но у меня есть приятель, который читает по-Турецки и по-Арабски. Он сказывал мне, что в Историях, писанных на сих языках, Халиф Омар 1-й изображен величайшим, мудрейшим, благочестивейшим и добродетельнейшим Халифом после Магомета. В подкрепление своего мнения, Турецкие и Арабские Историки приводят следующее: «Поелику,» говорят они: «величие земное оценивается числом шумных, громких дел, и уважение измеряется страхом, то мы, Турецкие и Арабские Историки, честь имеем объявить всем и каждому, что Халиф Омар 1-й покорил Сирию, Финикию, Иудею, часть Персии, Египет и Ливию, разбил *одинадцать воинств*, взял приступом или наговор *тридцать шесть тысяч* городов и зам-

ков, разорил *четыре* тысячи иноверческих церквей и храмов, и, выстроив *тысячу* *четыре*ста мечетей, распространил и утвердил веру Пророка на Востоке и Западе»[1]. «*Ла илахе иль Альмаху, ве Мухаммеду ресулю-льлахъ*», т. е. «нет божества, кроме Аллаха, а Магомет Пророк его,» или, короче: «Един Бог, а Магомет Пророк его.» Сим благочестивым восклицанием начинаются и кончаются, как известно, все речи и писания у Мусульман, и сим же кончу я выписку из Турецких и Арабских Историков.

Если б я не знал, как вы добры, сударыня, а захотел бы узнать это, то стал бы расспрашивать о вашем нраве вашу служанку; но не пошел бы разведывать у служанки вашей двоюродной сестрицы, которая не любит вас за то, что вы милее её, любезнее, и что всего важнее для нее – в тысячу раз прекраснее. Извините! Мне, человеку под сединою, позволительно сказать вам это в глаза, это одно утешение на старости, для страстного почитателя нежного пола! Только не позволяйте говорить вам эту правду вашему внучатному братцу, гусару, который смотрит на вас

так страшно, как смотрел Халиф Омар 1-й на осажденную им крепость Александрию. Осада сия случилась в 640 году, после Рождества Христова, и город этот был в то время совсем не то, что он теперь. Он основан в 335 году, до Рождества Христова, Александром Македонским, которого называют *Великим*, и притом *бесспорно*, за те же самые подвиги, которые доставили *оспариваемое величие* Омару, т. е. за взятие городов и покорение областей, не взирая на то, что Омар упрочил завоевания свои наследникам, и водворил в них свои законы, а всемирная Монархия Александра распалась на части после его смерти, приключившейся от излишнего употребления вина, которого Омар не пил вовсе. При сем я должен заметить, сударыня, что ничего нет мудрее в законе Магометовом, как запрещение пить вино в Турции, при тамошнем образе правления, неизменном со времен Магомета. Один мой приятель (не знающий ни по-Турецки, ни по-Арабски), разговаривая со мною однажды о Турции, весьма справедливо заметил, что нет ничего ужаснее, как пьяный Паша, который одним

порывом необузданной своей воли может сорвать у вас с плеч голову, а не в силах укротить самую легкую головную боль. По счастью, не все приближенные Александра Македонского перенимали его пороки, чтобы нравиться ему, а в том числе был один из лучших его Полководцев, Птолмей, которому, при разделе завоеванных областей, достался в удел Египет. Этот мудрый и добрый Государь и достойные его потомки украсили Александрию, столицу Царства и сделали ее средоточием всемирной торговли и убежищем всемирного просвещения. Нынешняя Александрия также похожа на древнюю, как наш Зашиверск или Сингилей похожи на Петербург. Когда Омар подступил к Александрии, тогда в ней было более 300.000 жителей, обитавших в великолепных домах; а чтоб вы могли судить о просвещении города, довольно напомнить вам, что там были две библиотеки, в которых вмещалось около 700.000 томов. Сказывают, что при этих книгах было более ученых, нежели сколько в нынешних библиотеках, при половинном числе книг, бывает моли, невежд и посетителей

из любопытства, а не для удовлетворения жажды познаний.

Вы знаете, сударыня, что Египет в то время составлял часть огромного омертвело́го тела, носившего почтенное имя Римской Империи. Сброд всех народов, именуясь Римскими гражданами, перебегал из одного конца Империи в другой, ища поживы, как мародеры в доме, оставленном хозяевами. Тогдашние Римские граждане точь-в-точь были тоже, что нынешние Жиды-граждане, которые простодушно отвечают воинам двух неприятельских армий, спрашивающих их, кому они желают победы: «Помогай Бог и вашим, и нашим!» – Тогдашнее Римское Государство уже не имело граждан: оно имело только чиновников.

В целой Александрии один только Проконсул и чиновники его канцелярии со страхом и трепетом ожидали следствия осады, ибо уверены были, что после покорения города, они лишатся мест и сопряженных с ними доходов. Из предосторожности, они прежде выслали все свои деньги и дорогие вещи в Византию, и утешались в горести тем, что име-

ют на что купить другие прибыльные места. Не удивляйтесь этому, сударыня! Тогда было не то, что ныне. Тогда люди были развратны и преданы роскоши, а разврат и роскошь единутробные с корыстолюбием и лихоимством. В Византии не продавали мест так явно, как мясо и сукно, но каждый знал, к кому должно отнестись для получения места, и сколько каждое место стоило. Жители Александрии не беспокоились вовсе о взятии города и о том, в чьей он будет власти, но сильно беспокоились на счет собственного имущества; а потому весьма обрадовались, когда Омар повелел городу и округу выслать депутатов для выслушания своей воли.

Депутация, составленная из почетнейших граждан (т. е. имевших более денег и более страха лишиться оных), явилась в лагерь Омара. Депутаты введены были немедленно в его палатку. Он сидел на диване, поджав ноги, и верно курил бы трубку, если б в то время открыта была Америка и курение табаку было принято образованными Европейцами от диких народов, которые, в свою очередь, переняли у нас, не менее похвальный обы-

чай, упиваться водкой. Если б я не боялся растянуть своего повествования, то охотно потолковал бы с вами о необыкновенной странности в роде человеческом, а именно, о страсти и легкости перенимать все дурное или бесполезное, а оставлять без внимания хорошее. У нас, например... но оставим это до другого случая.... И так Омар сидел на диване и держал в руке нагайку, вместо жезла или посоха, с которыми изображаются древние Фараоны Египта. Депутаты низко поклонились Омару, а он им сказал речь, достоверность коей основана на тех же самых доказательствах, как речи, приводимые Тацитом и Титом Ливием. Я прошу у вас извинения, сударыня, за Омара и за себя, если речь его оскорбит нежные органы вашего слуха. Омар был человек грубый, воспитанный в воинском стане и без Французского гувернера и танцмейстера. Он имел дурную привычку говорить то, что у него было на уме и на сердце, и старался объяснить свою волю как можно короче и понятнее. Вот что сказал он депутатам Александрии:

«Послушайте вы, скоты! Если вы не впу-

стите меня в город в течение двадцати четырех часов, и не покоритесь безусловно моей воле, то я сожгу и разрушу ваш город до основания, а всех жителей, с женами и детьми, велю посадить на колья, окружающие городской вал. Если же вы немедленно исполните мое приказание, то я обещаю вам сохранение жизни, имущества и вольность вероисповедания. Хотя Пророк завещал мне распространять Исламизм, но я не хочу никого принуждать к принятию нашей веры. Мне все равно, кому бы ни поклонялись мои рабы, быку ли, Апису или птице Ибису, только бы платили мне исправно харачь и беспрекословно повиновались моей воле. Вы должны знать, однако ж, что исповедники Ислама не платят никаких податей, пользуются исключительным правом занимать должности, могут резать уши и бить палками по пятам Гяуров (неверных), при малейшем подозрении в неуважении к себе и в недоброжелательстве к Исламизму, и отнимать у Гяура имущество, при малейшем сомнении, что он задумает употребить его во зло Исламу. Кто примет добровольно закон Пророка, тот друг и брат

мой; а кто останется при своей вере, тот в моих глазах – собака! *Ла алахе иль Альлаху, ве Мухаммеду ресулю-льлах!* Пошли вон – и к вечеру пришлите ответ!»

Депутаты нашли речь Омара чрезвычайно убедительною. На пути в город они порассудили о слышанном. Купцы думали: какая нам до того нужда, кто будет управлять Египтом! Ведь без торговли быть нельзя, а когда будет торговля, будут и барыши. А Магометанская вера? Ну что ж! Чалма право красива... а если при этом можно будет испросить привилегии и монополии, и позволено будет ввозить запрещенные ныне товары.... Дело несомненно прибыльное, и при перемене веры, чистого барыша сто на сто! Туземные судьи, адвокаты и ходатаи по делам рассуждали: будь правителем хоть сам Магомет, или другой Пророк, почище его, ябеда все-таки не истребится на земле, и всегда будут существовать взятки, протори, убытки и тяжёбые издержки. И так хлопотать право не из чего, и пусть будет то, чего миновать нельзя. Гражданам, властителям домов и дач весьма нравилось увольнение от платежа податей. Бед-

ных ремесленников и поселян не было в депутации, а потому они ничего не говорили и ни об чем не думали. Городской Глава велел немедленно вычистить и вызолотить заржавленные городские ключи, и вынести их Омару на золотом блюде, купленном в долг на счет будущей городской казны, ибо настоящую казну разобрали по своим сундукам Члены Городового Совета, для того, чтобы лишить неприятелей добычи. На другой день, Омар вступил с войском в город, а на третий день все почетнейшие жители нарядились в чалмы и на всех улицах только и слышны были радостные восклицания: *«Ла илахе иль Альлаху, ве Мухаммеду ресулю-льлах!»* Проконсул с чиновниками бежал заблаговременно.

Я уже сказывал вам, что в Александрии было множество ученых, которые в то время назывались софистами. Они преподавали темно отвлеченные, т. е. тусклые и мрачные Науки, спорили между собою о вещах, ни для кого незанимательных и вовсе бесполезных, и рылись в старых книгах, чтоб обновлять забытые глупости. Ныне таких лю-

дей зовут педантами. Вы, сударыня, очень счастливы, что не встречались никогда с педантами. Уверяю вас, что гораздо сноснее чирей на носу, чем приязнь с человеком этого разряда: я согласился бы скорей подружиться с козлом, чем с педантом. В Институте, верно, не учили вас, что такое педант. Хотите ли знать? Я вам скажу: это машина, по образу и подобию человека, приводимая в движение или винными парами или чадом тщеславия, заводимая голодом и самолюбием, повторяющая целый век одно и то же, чем начинена была в юности. Педант, зная 999 чужих мнений об одном предмете, не имеет ни о чем собственного понятия, и смертельно ненавидит умных людей, имеющих собственное мнение, почерпнутое из рассудка, а не из старопечатных книг. Забавнее всего в педанте есть то, что он, гордясь своею гнилою, как стоячая вода, ученостью, обижается, когда вы из вежливости назовете его настоящим его ученым званием, и если он не имеет другого звания, то скорей согласится, чтобы вы величали его полотером, нежели тем, чем он есть, т. е. софистом или школяром. В древние вре-

мена, Греция и Египет снабжали мир софистами, а ныне добрая, честная Германия наделяет все пять частей Света педантами, как Италия наделяет мир певцами, Франция танцмейстерами, Англия купцами, – а мы лошадьми и рогатым скотом. Сказав о тяжелом товаре Германском, о педантах, я вовсе не имею намерения оскорблять Германию, в которой более нежели где-нибудь людей истинноученых, честных и добродушных. Напротив того, я люблю Германию, люблю ее, как мадам Бушерброть, покойную ключницу моей покойной матери, ибо до сих пор не забыл, что добрая мадам кормила меня, ребенка, как Индейского петуха на убой, и пречувствительно пела фистулой: Freut euch des Gebens, etc. Германия так же виновна в том, что в ней рождаются и созревают самые тяжелые педанты, как Корсика виновна, что в ней плодятся лучшие ослы, ибо те же страны производят великих людей, каковы были, например, Наполеон и Фридерик Великий. Дело в том, что каждая страна изобилует какою-нибудь породою из царства животных. Но я замечаю, что начинаю употреблять

во зло ваше терпение, сударыня! – Извините, заболтался! Зная, что педанты не внесены еще в Натуральную Историю, которую вы так любите, я счел долгом моим истолковать вам свойство сих существ.

Педанты, или софисты Александрийские, одни из всего, так называемого образованного сословия, не радовались покорению Египта и введению Магометанской веры, и имели на то три важные причины. Во-первых, им тяжело было отказаться от вина, до которого они всегда были страстные охотники. Хотя им и было известно, что Магометане попивают вино тайком, но в таком случае надобно покупать его на собственные деньги, – а софисты любили испивать вино чужое, на пиршествах, куда их приглашали, вместе с чревоугодниками и другими фиглярами. Во-вторых, софистам не нравилось многоженство, потому, что по особенной принадлежности их породы, они всегда находятся во власти жен, как взнузданные медведи во власти цыган, следовательно им страшно было подумать о обязанностях супружества при многоженстве. В-третьих, в государстве, управляемом

по закону Магомета, не было вовсе для сословия софистов чинов, которыми можно было бы прикрыть свое ничтожество. В следствие всего этого, софисты составили род оппозиции, и заговорили, о патриотизме, о Христианских добродетелях, о вольности и прочих предметах, известных им из книг. Омар узнал об этом, но, к удивлению всех, не велел отрубить им головы за их вранье, вероятно почитая голову софиста столь же ничтожною вещью, как и вранье его.

Между тем Омар велел явиться к себе всем чиновникам и всем значительнейшим гражданам, и когда они собрались перед дворцом его, он вышел к ним и сказал: «Я хочу управлять вами согласно с вашими пользами и желаниями, а потому и намерен избрать из среды вас людей для совета и помощи. Скажите мне: кто из вас лучший, т. е. кто более любит истину, и желает вам блага?» Все присутствующие молчали, поклонились Омару, и каждый из них, потупя взоры, посматривал, с нежностью, на самого себя, давая сим знать, что он сам лучше всех, но что из скромности не смеет объявить этого.

Они бы не постыдились расхвалить себя, если б не боялись, что соседи уличат их во лжи. Омар окинул взором собрание, улыбнулся и продолжал: «Итак, если скромность запрещает вам объявить мне, кто из вас лучше всех, то скажите мне, кто из вас хуже всех, т. е. злее, вреднее для общества?» Поднялся шум. Присутствующие заговорили все вдруг. Один называл своего заимодавца, другой соперника, третий товарища в торговле, четвертый дядю, после которого надлежало получить наследство, пятый совместника, шестой начальника и т. д. – Омар повелел всем замолчат. «Назовите мне одного только человека,» сказал он: «которого вы почитаете опаснейшим и вреднейшим для вашего спокойствия!» – «Апертус! Апертус!» закричали со всех сторон. – «А кто таков этот Апертус, чиновник?» – «Нет!» – «Купец?» – «Нет!» – «Софист?» – «Нет!» «Кто ж он таков?» сказал с нетерпением Омар. – «Патриций, Римский гражданин, переселившийся сюда из отдаленной провинции Империи..... Житель здешнего города.....» – «Что ж он делает дурного?» спросил Омар. «Обманывает ли, ссорит ли се-

мейства, клеветает ли, соблазняет ли жен ваших и дочерей, строит ли козни, ищет ли про-
исками мест, денег, почестей? Я хочу знать,
что он сделал дурного?» Все молчали. – «Ска-
жите же мне, за что вы ненавидите его, за что
почитаете злым человеком, врагом вашего
спокойствия?» спросил Омар. – Стоявший
вблизи купец улыбнулся и сказал, посматри-
вая на судью: «Апертус жестоко бранит взя-
точников, насмехается над ними и не дает им
покоя...» – Судья не дал кончить купцу и при-
молвил, взглянув лукаво на него: «Апертус
насмехается также над тщеславными купца-
ми, которые стыдятся своего звания, ползут
в Патриции, и в искательстве издерживают
нажитое отцами, а плутов-купцев, Апертус
бранит без пощады....» «Он нападает на юно-
шество,» сказал один растрепанный франт:
«называет молодых людей пьяницами, буяна-
ми.» – «То есть, называет пьяницами пьяниц,
буянами буянов, невеждами невежд», при-
молвил Омар, смотря с презрением на растре-
панного юношу. – «Он критикует поступки
исполнителей законов, вопит о злоупотребле-
ниях, следовательно он человек опасный, бес-

покойный,» сказал председатель или заседатель какой-то палаты. – «А исполняет ли он сам законы?» спросил Омар. Все молчали. – «Что ж еще?» примолвил Омар.... – «Апертус прозван у нас *злаязычным*, потому, что не смалчивает ни пред кем и каждому говорит в глаза то, что другие едва смеют думать,» сказал один гражданин. – «Хорошо! Подайте мне этого злодея!» сказал Омар. – Все с удовольствием посмотрели в ту сторону, где стоял Апертус, поджав руки, и посматривая на всех с улыбкою сострадания. – «Вот он, вот злодей наш!» закричали в толпе. – «Убей его, запри, отрежь ему язык!» – Омар подозвал Апертуса и, окинув его взором, сказал: – «Тебя чуждаются твои сограждане, и так я беру тебя в службу и назначаю состоять при моей особе.» – На лицах, присутствующих изобразились страх и недоумение. – «Скажи, какого ты хочешь жалованья и награды?» примолвил Омар. – «Служить тебе, я готов, Государь!» отвечал Апертус: «ибо узнал тебя в эту минуту; а вместо жалованья, квартирных и столовых денег, прошу позволения каждый день говорить тебе по одной правде.» – «По рукам!»

сказал Омар, и, обратясь к толпе, примолвил: «Ступайте по домам, и приготовьте для меня как можно более денег. Податей я с вас не возьму, по обещанию; но как вы теперь Мусульмане, то я требую от вас добровольных приношений на пользу и славу Ислама! Вы все так добры, что без сомнения чувствуете эту потребность, а злого Апертуса я буду держать при себе, на привязи, чтоб он не надоедал вам своим злоязычием. *Ла илахе ил Альлаху, ве Мухоммеду ресулю-льлах.*»

Вы можете легко представить себе, сударыня, что об этом думали и говорили в городе. Омара все решительно порицали, а Апертуса, который впервые в этот раз увидел Омара, называли интригантом, извергом, доносчиком, полагая, что он оклеветал целый город пред Халифом. Но Омар не слышал того, что об нем говорили, а Апертус об этом ни мало не беспокоился, и оба они преспокойно заснули, хотя в целом городе царствовала эпидемическая бессонница.

На другой день, Омар, в сопровождении Апертуса и стражи, поехал осматривать знаменитый Музей, где находилось книгохрани-

лице. Софисты стояли на паперти сего храма Муз, и, когда Омар взошел на ступени, низко ему поклонились. Один из софистов выступил на середину и начал приветственную речь:

– «Солнце, освещавшее Александра Великого!..» – При сем оратор остановился, чтоб обратиться с духом, но Омар не дал ему продолжать, и сказал: – «То же солнце освещает и дураков.» – Вымолвив сие, Омар подошел к толпе софистов, и устремил на них свой пронизательный взор, чтоб выбрать годных в солдаты. При всей важности своей, Омар не мог удержаться от смеху, и громко захохотал. Представьте себе, сударыня, что в то самое время, как вы смотрите на сферу, вдруг бы ожили и зашевелились все фигуры зодиака (таков был вид этой толпы). Омар смотрел на эту забавную картину, хохотал и внутренно доволен был собою, что в первом порыве гнева не велел отрубить этих голов, украшенных столь смешными рожами.

Нахохотавшись вдоволь, Омар вошел в огромную залу, в шесть ярусов, и стал расхаживать по ней, помахивая нагайкою, кото-

рую всегда имел в руках, насвистывая притом какую-то Турецкую песенку, и поглядывая на книги, стоявшие на полках от низу до верху. Софисты вошли также в Музей, размышляя о причине непонятого для них смеха Омарова. Халиф остановился пред нишем, в котором находились три эмблематические статуи, отличной отделки. – «Апертус, что это значит?» спросил Омар. – «Эти две статуи, держащие рог изобилия, суть *торговля* и *промышленность*, богатые дети бедной матери – *просвещения*, которое изображает третья статуя, стоящая выше с книгою и циркулем.»

– «А что вы, Гяуры, понимаете под словом *просвещение*?» примолвил Омар.

– «Государь!» отвечал Апертус: «мне неприлично объяснят тебе этот предмет в присутствии мужей, называющихся жрецами просвещения. Благоволи спросить их.»

Омар обернулся к толпе, и подозвав к себе старейшего из софистов, облеченного в мантию, шитую золотом, повторил ему вопрос.

Софист поклонился до земли, и сказал: – «Просвещение есть распространение позна-

ний обо всех предметах, подлежащих исключительно уму. А как ум есть единственный признак души бессмертной, которою Небо одарило человека, то первая обязанность его состоит в возделывании ума; ибо попечение об нем удобряет душу, так точно, как попечение о плодоносном древе ведет за собою удобрение земли, на коей произрастает сие древо.»

– «Кудревато!» проворчал Омар. «И так, по твоему мнению,» продолжал он, обращаясь к ученому: «просвещение удобряет душу человека, т. е. делает его лучшим?»

– «Без сомнения!» отвечал софисть.

– «Скажи же мне, в какой стране или в каком городе более просвещения?»

– «В Византии, в Риме и у нас, в Александрии,» отвечал софист. – «Только в этих городах и в прилежащих к ним странах процветают Науки и Философия, а прочия страны погружены в варварстве и невежестве.»

– «Ты солгал, как пес, Гяур!» сказал Омар, не гневно, но насмешливо. «Если б в Византии, Риме и у вас, в Александрии, процветало просвещение более, нежели в других странах,

то, в следствие твоего заключения, у вас было бы более добродетелей, нежели у других народов. Однако ж нигде нет столько разврата, безбожия, лжи, измены, коварства и малодушные, как в этих трех городах. – Я родился в стране, которую ты считаешь погруженной в варварстве и невежестве, но слышал кое-что о ваших странах мудрости, и знаю, что Рим до тех пор был добродетелен, пока не перенял у Греков их просвещения. Одно из двух: или просвещение ваше есть зло, или вы не понимаете, в чем состоит просвещение. Скажи мне, что содержат в себе все эти книги?»

– «Эссенцию мудрости человеческой,» отвечал софист: «весь свет ума – то, что мы называем просвещением.»

– «Покажи же мне главные предметы вашей мудрости,» сказал Омар.

Софист надулся, как мышь на крупу, и выступил вперед, чтобы показывать Омару разные отделения книг, заслуживающие, по мнению ученого, более внимания. «Вот Феогония, т. е. толки, споры и мнения мудрецов о существе и качестве Божества,» сказал ученый,

указывая на огромное отделение книг.

«Вздор!» возразил Омар: «*Ла илахе иль Альлаху...* Взгляни на солнце, освещающее и злого и доброго, и мудреца и невежду, и червя и человека! – Вот образ благодати Аллаха! Ты сам, Гяур, твоим бесполезным существованием, не доказываешь ли существования всеблагого Бога, творца солнца, звезд и земли? И вы осмеливаетесь рассуждать об этом!..» Омар прибавил к этому несколько бранных слов, которых мне не следует повторять пред вами, сударыня!

Софист не возражал Омару, почитая его невеждою, и, указывая на другое отделение, сказал: – «Это *Психология*, т. е. мнения и толки мудрецов о душе человеческой.»

– «То есть, мнения и толки слепорожденных о цветах, примолвил Омар. «Далее!»

– «Вот *Выспренняя Философия*,» сказал софист: «мнения и толкования мудрецов о мироздании, о причине причин, о начале и цели всех видимых и невидимых вещей в Природе....» – Омар вспыхнул. «Ты задумал меня дурачить, что ли, проклятый Гяур!» воскликнул он грозно. «Ты не можешь проникнуть мысли

и воли животного, а хочешь знать волю Творца вселенные, и знать таинства Его предвечной мудрости! Так вот ваше просвещение! Вот над чем вы утруждаете свои головы!» Омар в бешенстве расхаживал по зале, бормоча что-то про себя, и произнося страшные ругательства противу Гяуров. Гнев Омара произошел от неловкости софиста, который не знал, что Омар любил Поэзию, не чуждался Словесности, охотно слушал рассказы из Истории и Географии, и даже покровительствовал Изящные Искусства. Если б софист указал ему отделения книг по сим предметам, то Александрийская Библиотека уцелела бы. Но, по несчастью, софист начал с того, что Омар почитал глупостью, а не мудростью, и сим испортил все дело. Наконец, Омар успокоился и, подозвав к себе Апертуса, сказал: «Позволяю тебе взять *одно* сочинение из этого лохмотья. Возьми и покажи мне!» –

Апертус выбрал: *Собрание рассказов учеников Сократа об его жизни, деяниях и учения.*

– «Кто таков этот Сократ, и чему научал он?» спросил Омар.

– «Сократ был бедный Афинский гражда-

нин,» отвечал Апертус. «Он исполнял все обязанности, на него возлагаемые; платил исправно подати; снискивал пропитание трудом; защищал оружием отечество, когда оно было в опасности, и с покорностью предлагал ему свои услуги. Но когда отечество не захотело употребить его, он взял на себя обязанность говорить людям правду, и учить их истинной мудрости и добродетели. Сократ не искал *первых причин*[2], не занимался глубокомысленными теориями, говоря, что в них ум *не просвещается, но заблуждается*, и доказывал сие тем, что Природа свободно и легко дарует нам *нужные* познания, и затрудняет изучение знаний *бесполезных*, довольствующих одно любопытство. Сократ утверждал: что наука, единственно *нужная* для людей, есть наука их *обязанностей* и *отношений* к человечеству. Он говорил, что мудрость есть не что иное, как просвещенный ум, который снимает обманчивые цвета с предметов нашей *боязни* и *надежды*, и показывает нам сии предметы в их истинном виде, а сим дает прочность и основательность нашим суждениям, подвергая притом волю

нашу одному закону необходимости. Мудрость, таким образом понимаемая, говорил Сократ заставляет человека быть справедливым, убеждая, сколь полезно для него самого повиноваться законам и никому не вредить, и порождает в нем умеренность в желаниях. Изъясняя таким образом *мудрость*, Сократ вывел из сего заключение, что добродетель есть не что иное, как *мудрость*, или *знание*, а порок *невежество*, или *заблуждение*. Он любил всех людей как братьев, и из всего рода человеческого ненавидел *одного* только человека, а именно того, кто первый осмелился сделать различие между *справедливым* и *полезным*. Убежденный в истине и пользе своих правил, Сократ не боялся порицать в глаза и за глаза сильных и могучих злоупотребителей власти, развратных эгоистов, гнусных лицемеров, буйных юношей, тщеславных софистов, бессовестных судей и небрежных родителей. Он просил, увещевал, убеждал людей быть добрыми, и наказывал злых и упорных орудием насмешки....»

Омар слушал Апертуса с величайшим вниманием. На лице его изображалось удоволь-

ствие. Наконец он поднял голову и сказал громко: – «Довольно! Вот таких людей люблю я, будь он Гяур или Мусульманин! Где этот Сократ? Подавай его сюда – я тотчас сделаю его первым моим Визирем или Муфтием!»

– «Сократа давно уже нет в живых,» отвечал Апертус.

– «Жаль!» возразил Омар. «За один волос из бороды его, я отдал бы целый город ваш! – Вы, Гяуры,» примолвил Омар: «воздаете божескую почесть смертным, которые прославились между вами мудростью или неустрашимостью, воздвигнете им храмы и истуканы. Скажи же мне, Апертус, чем воздали Сократу его современники за его мудрость и любовь к добру?»

«Сократ просил за труды свои и службу отечеству только куска хлеба, на старость, а сограждане отравили его ядом!» отвечал Апертус.

– «Гяуры, собаки!» воскликнул в бешенстве Омар, топнув ногою и махнув нагайкою. «Как! За что?»

«Сократ учил верить во единого Бога – и его обвинили в безбожии; он научал чтить

одну добродетель, даже в бедных и в чужих людях, а презирать порок даже в сильных и в родных – его обвинили в безнравственности и расторжении родственных связей. Он научал чтить закон и власть, но советовал обличать и преследовать злоупотребителей, – его обвинили в распространении возмутительных правил,» сказал Апертус.

– «Проклятые Гяуры!» проворчал Омар. «Апертус! отнеси эту книгу ко мне, и отдай моим Улемам, чтоб они перевели ее на Арабский язык. Остальной здешней мудростью я хочу хоть однажды согреть народ, и при теперешнем недостатке дров, велю топить общественные бани этими лохмотьями.»

– «Государь! Ты мне позволил говорить тебе по одной правде на день,» сказал Апертус.

– «Говори!»

– «В разврате и заблуждениях рода человеческого виновны более люди, нежели книги. Полезная книга может исправить злого человека, но вредная не испортит доброго, а напротив послужит к его поучению и даст ему средства к обличению лжи и порока. Опасное и заразительное зло кроется не в книгах,

не в сердце человека, и злейшие люди суть те, которые вовсе не заглядывают в книги. Зло уничтожается единственно водворением законов и правосудия, которые не могут иметь ни силы, ни уважения, без повсеместного просвещения, то есть такого просвещения, как понимал его Сократ.»

– «Согласен!» сказал Омар. «Водворю закон и правосудие, а что касается до книг, то если в этом множестве есть то, что находится в Куране, то книги эти не нужны; если же в них нет того, что содержится в Куране, то они бесполезны, следовательно я обращаю их на общую пользу, отопляя общественные бани. Для просвещения же народа довольно мудрости Сократовой! В этих огромных зданиях я помещу моих храбрых воинов: им будет здесь светло, тепло и просторно. Когда же они отдохнут, то я пойду с ними в Грецию, и порядочно проучу этих Гяуров за то, что они не умели чтить Сократа, и, тщеславясь своею мудростью, до сих пор не понимают, что такое *истинное просвещение!*»

Я кончил, сударыня, мой рассказ и выдаю его за исторический. Известно, что в Алексан-

дрии было знаменитое книгохранилище; известно, что существовал Омар и покорил Александрию; известно что Историки всклепали на него, будто он сжег сие книгохранилище, которое, по словам других Историков, расхищено и обращено в пепел фанатиками, истреблявшими, в первые времена Христианства, все памятники язычества. Как бы то ни было, только мой рассказ основан на трех исторических преданиях, следовательно он справедлив, то есть, в нем есть много *правды*. Вы изволили выслушать меня терпеливо, сударыня, и за это обязан я более вашей вежливости, нежели моему слабому дарованью. Но что скажет наш Смирдин, которому я даю (по обещанию) этот рассказ на *новоселье*? – В его Библиотеке нет *вредных* книг, но из любви к нему и из уважения к чужой собственности, я не хотел бы, чтоб у нас вошло в обычай топить бани *бесполезным* бумагомараньем! Я не так строг, как Апертус, и не скажу, что спас бы от пламени *одно* только сочинение, но признаюсь вам откровенно, что как ни жаль мне было бы нашего Смирдина, а всю огромную его Библиотеку, я поме-

стил бы в небольшой чистенький шкафчик, который можно было бы перенести на плечах из Петербурга ко мне, в Карлово, где я, в тишине и уединении, размышляю о мудрости человеческой, до которой я не достиг, и о невежестве, которого я был так часто жертвою!

*Мыза Карлово, возле Дерпта
1 Августа 1832.*

Сноски

Историческая истина. Соч.

[^^^]

2

Правила Философии Сократовой не вымыш-
лены автором. Соч.

[^^^]